

Идеи и смыслы

БУГАЕВ Федор Николаевич – магистрант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; fedor.bugayev@gmail.com)

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ РОССИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ: СТАРЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ТРЕНДЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу региональной специфики российской публичной дипломатии в период пандемии COVID-19. В рамках представленной работы автор предпринимает попытку рассмотреть через конструируемые в политическом дискурсе нарративы как традиционные формы «мягкого» воздействия России на постсоветском пространстве, к числу которых относится работа с соотечественниками и молодежные проекты по тематике Евразийского экономического союза, так и новые, обусловленные текущими тенденциями, среди которых особую роль занимает «вакцинная дипломатия».

Ключевые слова: публичная дипломатия, «мягкая сила», постсоветское пространство, пандемия, дискурс, нарратив

В условиях полицентричного мироустройства и глобальной конкуренции за сферы влияния в отдельно взятых регионах правительства различных государств уделяют все большее внимание несиловым методам воздействия на зарубежную аудиторию для достижения своих внешнеполитических целей. Ключевую роль в этой области играет «мягкая сила» государства либо иного актора международных отношений, которая понимается как способность влиять на поведение страны-реципиента и менять его предпочтения посредством убеждения в привлекательности собственных идей, норм, принципов и ценностей с целью формирования целостного позитивного образа государства на международной арене. Публичная дипломатия, в свою очередь, представляет собой средство инструментализации «мягкой силы» через создание специализированных институтов и учреждений, реализацию совместных программ и инициатив, а также построение долгосрочных доверительных отношений на базе взаимного уважения.

В рамках данной работы мы будем рассматривать российскую публичную дипломатию как социальный конструкт, что позволит проанализировать ее с помощью диалоговых форм взаимодействия без отрицания суверенного права каждой нации на свою этническую, культурную или религиозную идентичность. «Мягкая сила» в рамках этого подхода – это своеобразная проекция превалирующих в дискурсе нарративов, которая используется государством в политических целях [Davis Cross 2013].

Российская публичная дипломатия – относительно новый феномен для российской внешней политики, а потому на текущий момент еще не до конца сформировавшийся. Ее отличает определенная степень фрагментарности и непоследовательности, однако в российских высших эшелонах власти уже пришло понимание важности этого инструмента для реализации «мягкой силы». В глобальном мировом рейтинге государств «мягкой силы», методология которого базируется на оценке восприятия брендов в общемировом масштабе, Россия в 2020 г. опустилась на 3 строчки и заняла 13-е место, улучшив при этом свои позиции в области науки и технологий, а также попав в список

стран с наибольшим потенциалом *soft power*¹. Безусловно, любые оценки акторов по этим показателям несут субъективный характер, но, к примеру, значительно возросший индекс России в рейтинге по направлению «образование и наука» свидетельствует об успехах нашей страны в разработке и распространении вакцин от *COVID-19*.

Пандемия коронавирусной инфекции в принципе значительно трансформировала внешнеполитический ландшафт, став катализатором закрытия границ, ограничения мобильности граждан, а также отразила имеющиеся проблемы в области гуманитарного сотрудничества государств, проверив на прочность сплоченность интеграционных объединений и способность стран найти своевременный ответ на новый глобальный вызов. В подобной атмосфере осуществлять публичную дипломатию в прежнем виде было затруднительно: любые очные проекты и программы либо были отложены на длительный срок, либо переведены в онлайн-режим, а суть тех же образовательных обменов заключается в полном погружении в среду того государства, где осуществляется обучение, что в эпоху пандемии стало невозможным. Вместе с тем в 2020 г. заговорили о новых формах и подвидах публичной дипломатии, благодаря которым Россия сумела улучшить свой образ на мировой арене. В частности, впервые появился термин «вакцинная дипломатия», под которым подразумевались не только активные научные разработки средства от *COVID-19*, но и его открытая продажа по символической цене другим странам, в чем Россия, вне всяких сомнений, преуспела. Наша страна первой в мире зарегистрировала новый препарат и параллельно с масштабной внутрироссийской вакцинацией начала использовать его как геополитическое средство повышения собственного имиджа. Наибольший интерес вакцина вызвала у ближайших стратегических партнеров России, членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – Белоруссии, Армении, Казахстана и Кыргызстана. Договоры поставок с этими странами заключены, а в ряде случаев уже осуществляются. По политическим причинам от закупок российского препарата отказались Прибалтийские государства (как члены Евросоюза), Украина и Грузия. Любопытен кейс Республики Молдова: ее многовекторность проявилась даже в этом вопросе, в связи с чем Кишинев заключил соглашения с производителями сразу трех разных вакцин, в т.ч. и российской. Большая партия препарата отправится также в Узбекистан, хотя эта страна успешно разрабатывала собственную вакцину совместно с Китаем, однако производственных мощностей для обеспечения всего населения там пока недостаточно. Таким образом, Россия открыта к сотрудничеству и взаимодействию с государствами постсоветского пространства в сфере «вакцинной дипломатии», а цена на препарат (одна из самых низких в мире) отражает стремление нашей страны действовать исходя не из эгоистических национальных интересов, а из попытки сплотиться в борьбе с общей угрозой. Тем не менее информационная кампания, сопровождавшая весь вышеописанный процесс в русскоязычной прессе, была достаточно агрессивной и нацеленной на дискредитацию иностранных препаратов через артикуляцию их недостатков. Отметим, что эта тенденция была не менее очевидна и за рубежом: «вакцинная дипломатия» подразумевает жесткую конкуренцию, и страна происхождения препарата в данном контексте для подавляющего большинства игроков будет иметь первостепенное значение, порой даже затмевая качественные характеристики. Россия достойно демонстрирует

¹ Global Soft Power Index 2021. – *Brand Finance*. Доступ: <https://brandirectory.com/globalsoftpower/download/brand-finance-global-soft-power-index-2021.pdf> (проверено 18.04.2021).

свои сильные стороны через доступные каналы коммуникации, а публикации в высокорейтинговых медицинских журналах (например, в *Lancet*) результатов исследований повышают уровень доверия к российской вакцине даже среди заядлых скептиков [Бурлинова 2021: 26].

Важным нарративом российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве является также дискурс об общем историческом прошлом, особое место в котором отводится победе в Великой Отечественной войне. В 2020 г. традиционный парад, посвященный 75-летию Победы, состоялся даже в тяжелых условиях пандемии коронавируса. В контексте данной работы примечателен состав иностранных гостей, изыскивавших возможность его посетить: в Москву приехали делегации от Белоруссии, Узбекистана, Молдавии, Таджикистана, Казахстана и Киргизии, а также представители Абхазии и Южной Осетии¹. В очередной раз подчеркнем, что Евразийский экономический союз был представлен практически в полном составе².

Историческая память и проблема ее сохранения являются ключевыми для деятельности российского руководства в сфере публичной дипломатии. Подавляющее большинство проектов и программ, поддержанных грантами Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова и Фонда президентских грантов, относится именно к тематике Победы в Великой Отечественной войне³. Помимо этого, одобренными оказались и множество заявок, затрагивающих сотрудничество студентов, экспертов и журналистов на пространстве ЕАЭС. Это в целом подтверждает декларируемые в официальных источниках внешнеполитические приоритеты, однако является предметом критики со стороны экспертов в области публичной дипломатии, расценивающих крен в сторону реализации совместных проектов со странами бывшего СССР как чрезмерный. Более того, существует и другая любопытная тенденция – поддержка программ, которые можно отнести скорее к области общественной дипломатии. Отличие общественной дипломатии от публичной заключается главным образом в их целях: последняя реализуется для осуществления внешнеполитических задач, а не простого диалога между гражданским обществом двух стран. Российские официальные лица также по определенным причинам склонны в своих выступлениях называть российскую публичную дипломатию «народной», что синонимично «общественной дипломатии».

Работа с соотечественниками – основное направление российской «мягкой силы», что обуславливает интерес именно к постсоветскому пространству. Тем не менее задуманная российским руководством реформа Россотрудничества, концентрирующего свою деятельность на российском (или, по крайней мере, русскоязычном) населении соседних стран, которая началась в середине 2020 г. сменой его руководителя, пока не претворяется в жизнь с должной динамикой [Бурлинова 2021: 23]. Более того, существует и другой, скорее внешний вызов,

¹ В Кремле перечислили иностранных гостей парада Победы в Москве. – *Известия*. 23.06.2020. Доступ: <https://iz.ru/1027128/2020-06-23/v-kremle-perechislili-inostrannykh-gostei-parada-pobedy-v-moskve> (проверено 18.04.2021).

² Никол Пашинян не смог присутствовать из-за сложной эпидемиологической ситуации в Республике Армения.

³ Правление Фонда Горчакова подвело итоги конкурса на получение грантов во II полугодии 2021 года. – *Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова*. 15.04.2021. Доступ: <https://gorchakovfund.ru/news/pravlenie-fonda-gorchakova-podvelo-itogi-konkursa-na-poluchenie-grantov-vo-ii-polugodii-2021-goda/> (проверено 18.04.2021); Проекты-победители первого конкурса 2021 года Фонда президентских грантов по грантовому направлению «Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников». – *Фонд президентских грантов*. Доступ: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--plai/> (проверено 18.04.2021).

закрывающийся в отказе от русского языка на официальном уровне рядом государств. Так, несколько лет назад в Казахстане было принято решение латинизировать страну, т.е. перейти с кириллицы на латинскую письменность, что было аргументировано стремлением к сохранению казахского языка, однако этот шаг трудно вписывается в логику российско-казахстанского двустороннего сотрудничества.

Следует отметить, что ключевая проблема российской публичной дипломатии кроется в излишней замкнутости на проблематике общего наследия: необходимо осознавать, что конструируемый в российском политическом дискурсе образ может восприниматься странами постсоветского пространства негативно в связи с возникающим представлением о России как о неоимперском государстве. Исторический нарратив, который служит ресурсом российской «мягкой силы» на текущем этапе, далеко не всегда вызывает позитивные коннотации среди зарубежной общественности, поэтому не может служить ключевым при коммуникации [Борисов 2020: 137]. Акцент на соотечественниках также неоднозначен, ведь цель публичной дипломатии – не просто поддержание отношений с ними, а трансляция идей и посылов, которые должны быть восприняты в стране их пребывания высшим руководством, т.е. фактически политические цели маскируются под общественную дипломатию. В отдельных случаях это приводит к социальной стигматизации русскоязычного населения, что снижает эффективность этих проектов и программ.

Потенциал публичной дипломатии России заключается в ее нераскрытом аксиологическом компоненте. Религиозные и консервативные семейные ценности, идея евразийской экономической интеграции могли бы стать таким новым ресурсом «мягкой силы». Безусловно, необходима и масштабная институциональная реформа российской публичной дипломатии: создание централизованного органа по координации «мягкой силы» России будет способствовать снижению ее фрагментированности и хаотичности. Стратегическое планирование в этой сфере может принести гораздо большие имиджевые дивиденды даже в таком, казалось бы, традиционном для нашей страны регионе, как постсоветское пространство.

В целом, пандемия коронавирусной инфекции высветила имеющиеся проблемы и вызовы в области российской публичной дипломатии, но одновременно продемонстрировала наличие потенциала России в сфере «мягкой силы». В условиях глобальных имиджевых потерь, вызванных неудачно выбранными моделями противодействия распространению *COVID-19*, которые понесли различные страны, наша страна упрочила свои позиции на постсоветском пространстве, одной из первых в мире сняв ряд ограничений, восстановив хотя бы частично авиасообщение с большинством стран СНГ, оказав необходимую гуманитарную помощь тем, кто в ней нуждался, и став, таким образом, одним из государств, наиболее быстро и успешно адаптировавшихся в борьбе с новым глобальным вызовом современности.

Список литературы

Борисов А.В. 2020. «Мягкая сила»: специфика отечественного понимания. – *Международные отношения и мировая политика. Проблемы постсоветского пространства*. № 7(2). С. 130-141.

Бурлинова Н. 2021. *Публичная дипломатия России в эпоху COVID-19. Ежегодный обзор основных трендов и событий публичной дипломатии России в 2020 г.*: доклад Российского совета по международным делам. Доклад № 71/2021. М.: НП РСМД. 36 с.

Davis Cross M.K. 2013. Conceptualizing European Public Diplomacy. – *European Public Diplomacy: Soft Power at Work*. N.Y.: Palgrave Macmillan. P. 1-11.

BUGAEV Fedor Nikolaevich, Master's degree student at the School of International Relations, Saint Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Emb, Saint Petersburg, Russia, 199034; fedor.bugayev@gmail.com)

RUSSIA'S PUBLIC DIPLOMACY IN THE POST-SOVIET SPACE IN A TIME OF PANDEMIC: PAST CHALLENGES AND CURRENT TRENDS

Abstract. This article examines the activities of Russian public diplomacy in the post-Soviet region during COVID-19 pandemic crisis. Public diplomacy is interpreted as a soft power's key instrument in promoting socially constructed narratives, which corresponds to the national interests of transmitting actor. Moreover, the paper reveals the main methods of Russia's public diplomacy in particular region, including such a new ones as, for instance, «vaccine diplomacy». The intensification of Russian humanitarian aid is caused by the current pandemic situation. Consequently, Russian Federation got the opportunity to enhance its image, especially in the field of healthcare industry. However, the author emphasizes the inefficiency of the «shared past» message because this narrative generates negative neo-imperial connotations and associations among post-Soviet citizens. Besides, public diplomacy of Russia is fragmented and inconsistent. Nevertheless, the potential of Russian soft power lies in the religious and traditional family values, which should be articulated by the Russian political establishment more clearly. Thus, the article is aimed at reconceptualization of soft power and public diplomacy from the constructivist perspective through the complex analysis of the Russia's approach to the realization of the public diplomacy strategy in the post-Soviet space.

Keywords: public diplomacy, soft power, post-Soviet space, pandemic, discourse, narrative
